

privata

referred

18 апреля 1841.

Дорогой член Туринской Академии,

Еще один волосок, и имя русского было-бы дано другому, а не тебе, чей брат является *l'union Régimentaire*. Я теперь остаюсь здесь, но покидаю свою школу и еще до Михайлова дня становлюсь настоящим человеком. Твои поручения и исполнил, но относительно Журнала ничего не могу сказать, кроме того, что он будет существовать, ибо в официальной части *Dorfszeitung* уже была об этом заметка. Если его будут издавать с толком, он может стать совсем хорошим, а чтобы журнал стал хорошим, это зависит пожалуй в такой же мере от тех, кто дает туда свои работы, сколько и от тех, кто его издает. Чего я однако не понимаю, это того, почему вы в России не можете сами сделать что либо подобное, хотя я и отдаю должное А.Э.^{х)}, что у него на этом пути что-то получается, ибо материально он поставлен здесь очень плохо. Приедет ли сюда Шеллинг или нет, еще неизвестно. Говорят, он хочет быть похороненным здесь перед Ораниенбургскими воротами между Фихте и Гегелем. Фарадей еще немного болен, но в общем поправился и едет сейчас в Италию. В Поггендорфе напечатана моя бурная статья, один экземпляр которой я при *ласку* тебе,

Опыт с диском в электромагнитной катушке извращен, однако я не вижу, как согласовать его с опытами с двумя

х) Сноска карандашом: (Адольф Эрман, издатель *Beiträge zur Kenntniss des russ. Reiches*). А.

х) *Anders, Garm o. Zuerich.*

дисками и одним полюсом, для которых я не усматриваю причины, почему они должны вращаться. Я чувствовал и при первых опытах, что природа права, хотя и не мог это точно доказать.

О Вагнере во Франкфурте все дипломаты говорят с полуофициальным удивлением и уверяют, что вскоре пойдет локомотив его изобретения. *Nous verrons.* (Увидим).

Клейнер построил мне батарею из 6 элементов Грове, но она ^{плохо} действует плохо, в то время как некоторые экземпляры удались очень хорошо, а потом вдруг сдали. Мой тоже оказался непостоянным и давал удары, *вместо* значительно-го тепла. Почему, я не знаю. Все, что я знаю, это только то, что благодаря способу, каким

выполняется до смешного мало.

К Михайлову дня я буду только *physicien de l'Université*, вернее *physicien Kuhnstrasse*, тогда я опять смогу целиком войти в работу.

Необычайная материальная обеспеченность русских профессоров меня изумляет. Кто видел в течение 15 лет, как страдают от голода в Германии, тому кажется, что он видит сон, когда он узнает, что делается там. Будь я немного моложе, *sans femme, sans enfants*, я бы поехал туда только ради того, чтоб порадоваться этой обеспеченности.

У Магнуса родилась дочь, поздравляю тебя с таким *новым*

последним отпрыском и сердечно благодарю Кушера, Ленца
и тебя / Якоби) Купфер) Ленц)
как ты можешь это посеребрить/ за усилия, правда напрас-
ные, противостоять ~~кратки~~ французам, как представи-
телей науки. С тех пор, как умер Савар, поистине приходит-
ся спрашивать, кто там физику?

На годовом празднике гуманитарного комитета, где
я должен был произносить речь, я сказал, что общество го-
ворит своим членам, как Валленштейн,
Макс останься со мной, не уходи от меня, Макс, я не могу
этому поверить и т.п. Этим они меня теперь замучили до
смерти. Огромные усы Штейнера вызывают в Париже всеобщее
внимание, однако по возвращении его к Михайлову дню все-
же должны будут упасть под ножницами. Петру Риссу запре-
тили назвать сына Петером, ибо это - династически-духовное
имя. На его месте, я назвал бы сына Пет
против этого уже никто ничего не мог-бы возразить.

Сердечные приветы г.Ленцу и низайшие поклоны
г.Купферу.

С самыми дружескими чувствами
твой Дове.